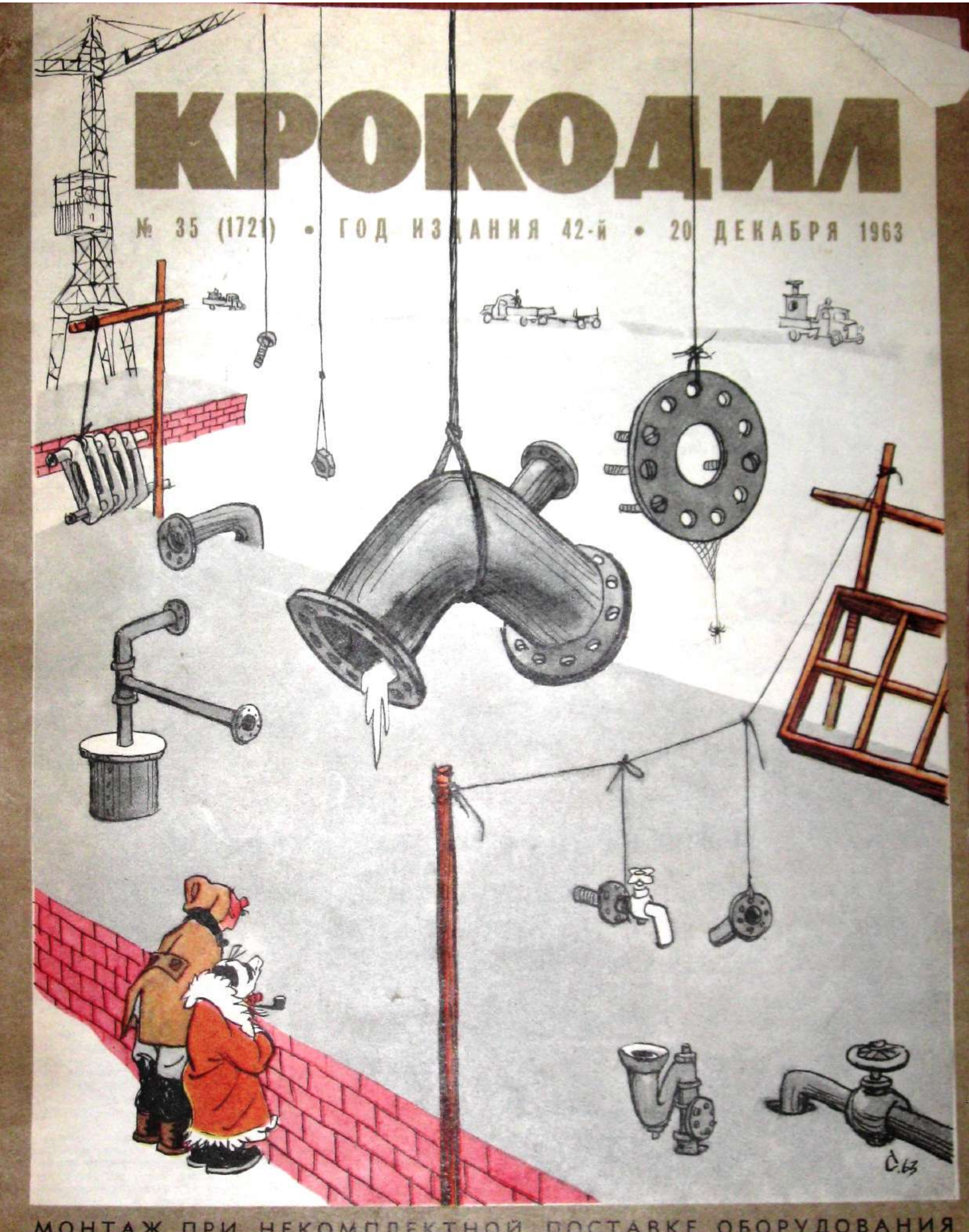
КРОКОДИЛ

№ 35 (1721) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 20 ДЕКАБРЯ 1963

МОНТАЖ ПРИ НЕКОМПЛЕКТНОЙ ПОСТАВКЕ ОБОРУДОВАНИЯ

— Каков будет профиль этого химического предприятия?

— А кто его знает! Посмотрим, что еще пришлют!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МЕТЕЛИ

Расстановка дорожных знаков.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Крокодильский Контрольный Пост

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОЖАР

На территории горьковского завода «Нефтегаз» пахло паленым. Горели шубы. И те, которые в полоску, и те, что с искоркой... Всякие. Из теплого, пушистого синтетического меха!

Горели они не первый год, поэтому руководители завода к неприятному запаху почти привыкли. Правда, директор, Павел Александрович Кутузов, приходя на работу, обыкновенно спрашивал:

— Горим?

— С одного конца — да, но с другого — ни в коем случае! — бодро рапортовал начальник технического отдела Федоров.— С планом, сами знаете, у нас полный порядок!

— План — это, конечно, отлично, но паленым все-таки пахнет,— морщась, говорил Павел Александрович и принимался за составление очередной докладной записки.

В управлении химической и нефтеперерабатывающей промышленности Волго-Вятского совнархоза докладные читали и тоже морщились:

— И чего пишут? Горит — и хорошо!

А загорелось еще два года назад. Согласно указаниям совнархоза.

До того времени завод «Нефтегаз» трудолюбиво вырабатывал граммофонный пек и зеленое масло, а отходы производства бережно передавал другим предприятиям по газопроводу. Бережно потому, что газ этот был не чем иным, как драгоценными полимерами. Они-то и шли на изготовление шуб: тех, которые в полоску, и тех, что с искоркой.

Работяга-газопровод честно трудился, пока не прохудился. Тогда гостехнадзор отправил его на пенсию. А завод встал в тупик: куда теперь газ девать? На пенсию его не отправишь. Авоськами или в бидонах до потребителя тоже не донесешь. Как-никак, десятки миллионов кубометров в год!

Стали искать, кому бы сбыть драгоценные полимеры. Нашли. На соседнем канифольно-терпентинном заводе имелись котельные. В них и жечь!

Владельцы котельных пробовали было возражать: мол, природный саратовский газ дешевле, да и грешно полимерами печь топить. Но в совнархозе строго спросили:

— Горит?

— Горит.

— Вот и хорошо! Жгите.

Хорошего же, вообще говоря, было мало. Запахи горящих полимеров тревожили коллектив «Нефтегаза». Там подсчитали, что вместе с газом ежегодно сгорает в котельных полимеров-пластиков на 10 миллионов рублей!

Словом, пожар получался нешуточный. На таком и сгореть недолго. Тем более, что пламя было видно издалека.

Собирались зрители. Из совнархоза, с соседних предприятий, из городских организаций...

— Справа заходи! — кричали одни.

— Сверху поливай! — шумели другие.

Поджечь легко, погасить трудно. Впрочем, в проектах «тушения» недостатка не было. Кто-то предлагал строить установки на самом «Нефтегазе», использовать беспокойный газ без отрыва от основного производства. Кто-то вспоминал об ушедшем на пенсию работяге-газопроводе: надо, мол, вернуть его или заменить новым, поможе...

Проектам и спорам нет конца. Пожару тоже. «Зрители» никак не могут найти общего языка. Неужели же только потому, что горят не личные шубы, а государственные?

Г. СОМОВ

г. Горький.

Не в своих санях

На Ижорский завод прибыла из Ленсовнархоза срочная эстафета: «В будущем году вам надлежит изготовить 10 тысяч финских саней по линии ширпотреба».

Директор схватился за сердце и тихо застонал:

— Мало нам экскаваторов?! Мало гидропрессов, уникальных прокатных станов, универсального судового оборудования?! А ты, господи, которого нету, нам еще финские сани навязал! Какие они хоть из себя?

— Хорошие,— сказали на базе «Роскультторга».— Мы ими раньше торговали. Из Таллина получали и продавали.

— Вот пусть бы их в Таллине и делали,— встрепенулся директор. Но все же послал в Эстонию начальника цеха тов. Левита. А попутно дал задание плановикам подсчитать, какие прибытки получит завод от новой продукции.

Те покрутили на арифмометрах, постукали на счетах и сообщили: от новой продукции Ижорский завод будет иметь в год 150 тысяч рублей... убытков.

На этот раз директор схватился уже за голову. Ижорцам убытки были ни к чему, и они начали препираться с совнархозом. Спор закончился 7 декабря 1962 года: в этот день председатель Ленсовнархоза тов. Антонов обязал ижорцев выпускать санки и не рыпаться.

Но вернемся к ленинградскому гонцу. Едва он приехал в Таллин и завел речь о финских санях, как работники завода «Терас» бухнулись перед ним на колени.

— Голубчики ленинградцы! Отцы родные! Да если вы нам металла подкинете, мы все задания по санкам и за вас и за себя выполним. До пятидесяти тысяч санок в год можем делать.

— Мы бы не против,— застеснялся гонец,— да совнархоз наш не велит. Ведь вы совсем из другого экономического района.

— Так ведь из одной страны! Даже соседи. Балтика-то, вот она...

— Нет,— уперся гонец.— Вы нам лучше санки продайте, а то нам неведомо, как их делать.

Эстонцы грустно продали пару саней. А ижорцы так же грустно поволокли их в Торговую палату.

— Не пойдет! — сказали там.— При совнархозе есть специальное художественно-конструкторское бюро. Нужна его виза.

— Фи! Разве это товар? — брезгливо сказали худконструкторы.— Анахронизм, а не сани. Где в них экспрессия? Где устремление вперед? Нету устремления. Не пойдет. А вот мы вам изобразим такие сани, что только ахнете!

— А почем изображение?

— Семьсот рублей. Что? Дороговато? А вдохновение нынче почем? Мы ведь люди хозрасчетные.

...Когда ижорцы прибыли в Торговую палату для обозрения нового образца, они и вправду ахнули. Новый образец отличался от старого разве что стоимостью.

И все присутствующие дружно высказались за таллинские санки. Которые как бы без устремления вперед. Те, что анахронизм.

С грехом и муками пополам ижорцы вытянули на сегодняшний день половину санного плана. Радости им от этого мало: заводу сани обходятся вдвое дороже, чем они стоят в магазине. У таллинцев же себестоимость санок была втрое ниже, чем у ижорцев.

По секрету: идея выпуска финских саней на берегах Невы зародилась в стенах ленинградской базы «Роскультторг». Ее директор В. Ф. Грибов жалуется на Ижорский завод:

— Срывают нам план по саням! Ведь мы бы ими снабдили всю страну. До Северного полюса включительно.

По пути в Ленсовнархоз как-то сам собой сочиняется вариант песни:

Эх, вы, сани мои, сани,
Сани новые мои,
Сани новые, кондовые,
Убыточные...

— Выпуск ширпотреба планируется по валу,— говорит начальник управления тяжелого машиностроения тов. Фирсов.— Вот мы и думали, что ижорцы вытянут вал на санях. Однако не получилось. Так я им подкинул заказ на сто автогаражей. Авось, теперь выплывем...

Из-за такого планирования ижорцы плачут от саней, а таллинцы — без саней. Впрочем, сани — один из примеров. Ижорский завод делает ножи и вилки, а специализированное по вилкам горьковское предприятие работает с неполной загрузкой. В общем, через трубы ленинградских заводов на одном ширпотребе уже вылетела такая сумма денег, что давно можно было бы построить пять специализированных предприятий.

Рентабельных!..

В. РЕЗНИКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Ленинград.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Хочу побрить!

Уже говорилось и писалось о том, что многие радиоприемники и телевизоры отличаются друг от друга только окраской и габаритами, хотя носят разные названия и выпускаются разными предприятиями.

Скажу вам, братцы, не тая
(хоть вы в спецы зачислены),
что вас оставить без бритья
на этот раз немыслимо.
Вы обросли сплошной кугой
фальшивого значения,
и оставлять «пейзаж» такой
нельзя без попечения.
«Мой вид!» — кричит один. Другой:
«С твоим-то нет сравнения!»
А суть одна: ни в зуб ногой
все ваши «изменения».
И как бы в разные года
расцветки ни меняли вы,
обман — он есть обман всегда,
пусть даже бледно-голубой
иль, скажем, бледно-палевый.
И сколько б вы, меняя вид,
красителей не тратили,—
картина ясно говорит:
«Держись! Очковтиратели!»
«Новинки» ваши день за днем
хоть дубом крой, хоть липою,—
вранье останется враньем,
а «липа» — голой липою.

КОПИИСТ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

АНТИПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Руководящий педагог по фамилии Асельдеров вызвал к себе рядового педагога Ханукаева.

— Ты, дорогой, Песталоцци читал? — спросил руководящий педагог.

— Читал.

— А Ушинского? Макаренко?

— Приходилось.

— Так что же получается? Всех ты читал, все знаешь, а вот хочешь уехать, оставив наших ребятишек без учителя пения. Ты помнишь, что говорили о музыке отечественные и зарубежные корифеи педагогической мысли?

— Извиняюсь, запамятовал.

— Они считали, что музыка входит необходимым компонентом в гармоническое развитие человеческой личности. Так я говорю, Ханукаев?

— Так.

— Быть может, ты считаешь, что она не входит?

— Входит! — заверил Ханукаев.— Только вы напрасно на меня нападаете. Ребятишки не останутся без учителя. У меня на примете есть парень.

— Какую он окончил консерваторию? — строго спросил Асельдеров.

— По правде сказать, консерваторию он не кончал...

— Жалко, конечно, но не в консерватории дело,— сказал Асельдеров.— Мы призваны развивать, товарищ Ханукаев, моральные и нравственные силы ребенка. Это ответственное дело можно доверить только человеку, который сам духовно здоров. Или ты считаешь, что к детишкам можно допустить человека с нравственным недугом?

— Да сохранит нас аллах! — сказал Ханукаев.— Мой парень здоров. Я даже сам удивляюсь, откуда у этого сравнительно молодого человека такой крепкий моральный облик.

— Тогда приведи его,— сказал руководящий педагог, который был директором махачкалинской средней школы № 12.— Приведи его, и побыстрее, потому что мы не можем пускать на самотек гармоническое воспитание детей.

Ханукаев привел в школу Юрия Гринько. В отличие от иных фельетонистов мы не станем вязать сюжетные петли и до изнеможения водить читателей по фабульным переходам и лабиринтам. Скажем без обиняков: нравственное здоровье у нового педагога сильно пошаливало. Гринько зарекомендовал себя как музыкант лишь в исправительных заведениях. Словом, Гринько сидел. И не раз. Он был осужден дважды за самые что ни есть вульгарные уголовные преступления. Такого вот белоснежного голубя привел Ханукаев к директору.

— Учитель пения! — сказал Ханукаев.— Прошу любить и жаловать!

Между директором и уголовником произошел примерно такой разговор:

— Вам когда-нибудь приходилось формировать юную человеческую личность? — спросил директор.

— Это вы насчет чего?

— Я имею в виду педагогическую деятельность. Приходилось ли вам развивать духовные силы учащихся, лепить их характеры?

— Насчет лепки, начальник, врать не буду. Не приходилось. Однако могу попробовать. Я пацанов и шкетов страсть как люблю. Смышленый народ! Поставь сноровистого шкета на стрёме...

— Позвольте, на какой стрёме?

— Это я к слову,— спохватился новоявленный педагог.— А вообще-то я всей душой...

— Мне говорили, что вы музыкант?..

— А то нет? Спросите у любого морячка. Я же в порту в джазе играю. Опять же на танцах. Исполняю «Мучу», «Чу-чу»...

— «Чу-ча», пожалуй, для ребят не подойдет...

— Об чем разговор! У меня этих песней без малого тысяча. Найдем другую. Вот скажем: «Стою на Дерибасовской, держуся за карман, и вдруг ко мне подходит знакомый уркаган».

— И это не совсем то. Не тот песенный профиль. Детишкам нужны песенки про зайчиков, про елочку... Вот хорошая песня,— сказал Ханукаев.— «Наша мама — садовод, папа водит самолет, подрастешь и ты, малыш, к ясным звездам полетишь».

— К звездам так к звездам,—сказал Гринько.— Куда потребуется, туда и полетим.

— Ладно,— сказал директор.— Зачислим. Поработайте над репертуаром и приходите к детишкам.

Рецидивист театрально откланялся и покинул школу.

— Признаться, что-то мне в нем не нравится,— сказал директор.—То ли у меня повышенные требования, то ли еще что, но мне кажется, новый преподаватель может внести некоторую дисгармонию в нашу педагогическую семью...

— Ничего,— сказал Ханукаев.— Обкатается в коллективе.

Прошло немного времени. Пропитой голос уголовника зазвучал в классах. Вор повел детишек в светлый храм музыки. Рецидивист занялся эстетическим воспитанием школьников.

Неизвестно, сколько бы трудился Гринько на педагогической ниве, если бы не случай. Уголовник снова попался. Впрочем, не на воровстве. Вот как он сам описывает начало своих похождений:

«16 ноября я кончил работу в школе № 12. В этот день мы вместе с преподавателем Львом Николаевичем зашли в магазин... Взяли пол-литра московской водки и пошли в столовую. Там выпили. Пошли в школу № 17 станции Махачкала-первая. Лев Николаевич получил в этой школе деньги, и мы поехали в Махачкала-вторую, так как мне нужно было играть в эстрадном оркестре. Мы зашли в «Гастроном» и купили со Львом Николаевичем пол-литра водки и 300 граммов жареного сома. И с этим мы пошли на культбазу. До начала игры мы выпили эту бутылку. После мы послали мальчика еще за одной бутылкой. Эту бутылку мы выпили перед концом танцев».

После танцев Гринько с другим собутыльником — музыкантом местного радиовещания Мухажировым — продолжили гулянку. Они купили еще бутылку коньяку, подпоили молодую работницу Н., и Гринько изнасиловал ее.

В эту же ночь он был схвачен милицией.

...Я позвонил директору. И спросил, знает ли он о последних похождениях учителя пения. Директор огорчился. Гринько — преступник. Ай, как нехорошо! Как некрасиво! Кто бы мог подумать... Он же музыкант. А Ханукаев тоже хорош! Подсунул ему этого негодяя. Ай, Ханукаев, Ханукаев, что ты наделал, Ханукаев! Впрочем он, Асельдеров, не убежден, стоит ли обо всем этом писать фельетон. Ей-ей, не стоит. Ведь Гринько был принят временно. В порядке эксперимента...

Веселенький эксперимент, ничего не скажешь, думаю я! Уголовник и дети... «Стою на Дерибасовской, держуся за карман...» и «В лесу родилась елочка...». Противоестественное сочетание!

Я деликатно намекаю на это директору. В ответ Асельдеров еще долго говорит о своих побуждениях. Они были наилучшими. Он боролся за выполнение плановых наметок по пению. Он хотел что-то перевыполнить по эстетическому воспитанию детей.

Я не стал дожидаться, пока Асельдеров начнет цитировать корифеев педагогической мысли, и повесил трубку.

С. ШАТРОВ

Махачкала — Москва.

— Митя, ты едешь на бал-маскарад?
— Нет, сдавать годовой отчет...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

А. САЛЕНКО

ПОЕДИНОК

Задолго до дня рождения дамы сердца влюбленный рыцарь встал на колени и торжественно поклялся:

— Я привезу тебе такой подарок, о каком ты мечтала всю жизнь!

Почистив щеткой запылившиеся колени, он вскочил на верного коня и, вздымая на грунтовой дороге клубы пыли, исчез за горизонтом. Пока опечаленная дама сердца коротала время над именинным пирогом, рыцарь скитался по разным странам, время от времени оглашая округу оптимистическим криком:

— Нет на свете дамы прекраснее, чем синьора Барабанта!

И горе было тому, кто легкомысленно позволял себе усомниться в этом. Тогда меч и кинжал раз и навсегда избавляли скептика от сомнений.

Как-то вечером рыцарь приехал в наш город и направился в магазин подарков и сувениров. Он был самоуверенным, как и полагается рыцарю.

— Мне что-нибудь для симпатичной женщины моих лет,— сразу ринулся он в атаку.— Какой-нибудь оригинальный подарок. Нет на свете дамы...

— Спокойно! — остудила его пыл продавщица.— Сразу видно, что приезжий. У нас нет подарков как таковых, а есть подарочные комплекты. Показать?

— Показывайте! — нервно приказал рыцарь.

Перчатка была брошена, вызов принят, турнир начался.

— Защищайтесь! — крикнула продавщица.

Она положила на прилавок пару капроновых перчаток и духи «Серебристый ландыш».

— Банально,— легко отпарировал удар приезжий рыцарь.— Это еще мой дедушка бабушке дарил.

— Ладно, держитесь!— нанесла новый удар продавщица, швырнув на прилавок шесть метров панбархата и хозяйственную сумку образца сорок шестого года.

Рыцарь пошатнулся, но на ногах устоял.

— Этот панбархат теперь не носят даже убитые горем вдовы,— ответил он ударом на удар.— А сумку можно послать в деревню бабушке. Отличное гнездо получится для наседки!

Удар был сильным, и продавщица упала на колени, едва успев, как щитом, прикрыться дамской шерстяной кофточкой. Собравшись с силами, продавщица подтащила к прилавку деревянного орла, вырезанного из цельного дубового пня толщиной в четыре обхвата.

— Вот! — издала она победный клич.— Комплект чуткости. Кофточка олицетворяет теплоту ваших чувств к даме, а орел осуществляет охрану семейного очага и уюта.

— О, Барабанта! — прошептал рыцарь и без чувств грохнулся на пол.

— Знай наших! — победно сказала продавщица...

Он был самоуверен, этот рыцарь, и не подозревал, что наши местные рыцари в поединки с продавщицами магазина подарков не вступают.

Кому охота получить в подарок комплект чуткости?

г. Херсон.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Искусство в коридоре

В средней школе на уроке
Побывал не так давно
Гость нежданный, гость высокий —
Представитель гороно.
Быстро сделал перекличку
По журналу педагог.
Первым вызван был отличник,
Знавший тему назубок.
— Расскажи, Володя Власов,
Как творил и жил Некрасов.
— Все мы знаем, что Некрасов
Был певцом крестьянских масс,
Что в стихах своих не раз он
Бичевал имущий класс,
Что сидел порой без денег,
Издавая «Современник»,
Но что близок был к народу
И описывал природу...
Тут, прервав ответ Володи,
Гость спросил притихший класс:
— Кто еще любовь к природе
Пробудил в душе у вас?
Класс молчит. В ответ — ни звука.
Смотрит гость поверх очков...
Вдруг с «камчатки» поднял руку
Второгодник Глеб Сачков:
— Море, лес, луга, березки
Полюбил я всей душой,
Помогли мне Айвазовский,
Левитан и Кончаловский,
Шишкин, Репин и Поленов —
Круг художников большой...
Целый мир открылся новый
Мне в перовских «Птицеловах»,
И в куинджевских «Ночах»,
И в саврасовских «Грачах»...
С удивленьем на Сачкова
Гость поглядывал тайком:
Ведь в программе нет ни слова
Про художника Перова,
И о Репине ни слова
И о ком-либо другом.
Гость не знал, что в коридорах
Сто развешано картин,
Содержание которых
В классе знал Сачков один.
Глеба часто педагоги
Выставляли в коридор —
Ну, и там он понемногу
Свой расширил кругозор.
Эстетически подкован
Сверх программы стал Сачков...
Как до уровня такого
Всех поднять учеников?
Уж давно об этом спорят,
Ну а в школе и сейчас
Все искусство в коридоре.
А его пора бы в класс!

г. Ленинград.

В иных местах вся атеистическая пропаганда сводится к чтению лекций.

(Из газет).

— Один бог знает, как я работаю!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Улыбнитесь, грубиян!

Речь пойдет не о грубияне, который сотрясает уличный воздух многоступенчатым сквернословием, не о пьяном драчуне с разрисованной синяками физиономией,— на таких не стоит тратить ни красноречия, ни чернил!

Вооруженные метлами и лопатами, пусть они спокойно поднимают — за свои 15 суток! — уровень санитарного благоустройства наших городов и поселков.

Я хочу говорить о грубости, за которую «не дают» 15 суток, хотя она, эта грубость, так же, если не больше, мерзка и *противна и так же портит нервы* хорошим советским людям.

В кондитерском отделении московской булочной старушка-покупательница спросила у продавщицы, сколько стоят атласные подушечки с начинкой.

Боже мой, чего только не наговорила ей *в ответ молодая, румяная, щекастая девица* в белом торговом халате!

— Что, у вас глаз нет? Вон ценник выставлен! Каждый будет спрашивать — язык отвалится отвечать!

В таком духе она пушила полуслепую старуху минут семь вместо того, чтобы, по*тратив несколько секунд,* назвать цифру.

Этот мелкий случай можно считать примером элементарной, ходовой, а главное, очевидной грубости. Бывает, однако, и другая грубость, проявляющаяся в более тонких, не лишенных своеобразного изящества паскудных формах.

Пришел в универмаг в отдел готового платья гражданин с женой. Гражданину — под пятьдесят, фигура у него нормальная, живот не превышает возрастных габаритов, но тем не менее соревнование по красоте телосложения с Аполлоном Бельведерским или с Дискоболом он, пожалуй, не выиг*рал бы. У прилавка с пиджаками весело* щебечет стайка молоденьких продавщиц. Высокие, модные прически, бледные кукольные личики, синие изящные халатики. Все очень мило, полный модерн!

Болтают о какой-то вечеринке. Сначала на вечеринке «был блеск», а потом «этот *дурак Жорка» приревновал свою «пучеглазую* Аську» к Петру Ивановичу, а Петр Иванович «ничего такого не делал, он только салату Аське все подкидывал на тарелку...»

Покупатели стоят и ждут, когда же на них обратят внимание. А на них внимания *не обращают! Новелла про пучеглазую лю*бительницу салатов, про ее внимательного соседа и про ревнивого кавалера развивается медленно, обстоятельно: ведь рассказчицам спешить некуда, рабочий день в самом разгаре.

Жена гражданина наконец не выдержи*вает:*

— Будьте добры, скажите, у вас можно подобрать костюм для моего мужа?.. Чтобы был недорогой, но хороший!

Основная рассказчица новеллы про пучеглазую Аську бросает на переступающего с ноги на ногу гражданина ледяной, пре*зрительный взгляд.*

— Для него?! Для него ничего нет!..

И, обернувшись к подружкам, продолжает:

— Тогда Петр Иванович кладет салфетку на стол и говорит Жорке: «Молодой человек, я вам в дяди гожусь и предлагаю держаться в рамках культурного поведения высокоинтеллигентного человека». А Жорка...

— Девушки, давайте поищем костюм для мужа. Наверное, все-таки можно найти!— снова просит жена гражданина.

Теперь оборачивается помощница рас*сказчицы новеллы. Снова ледяной,* презрительный взгляд. Гражданин, которому под пятьдесят, под этим взглядом рефлекторно втягивает в себя живот нормальных возрастных габаритов и старается дышать верхней частью грудной клетки.

— Вам же сказали, гражданка! Для него ничего нет!

Ни одного оскорбительного слова *не сказано. Возможно даже, что костюма* нужного размера в тот день в магазине действительно не было, и все-таки... Сколько же в поведении этих молоденьких продавщиц грубости, неуважения к покупателю!

Но тут я уже слышу возмущенный, протестующий *голос:*

— Вот вы критикуете продавцов... вообще работников «сектора обслуживания». А покупатели, а сами обслуживаемые?! Они что у нас, сплошные ангелы с дипломом об окончании высшей небесной школы хороших манер, да?!

Нет, конечно! Встречаются нервные, злые покупатели и покупательницы, и давно известно, что надо быть «взаимновежливыми». Но требовать от покупателя обаятельной любезности в обращении нельзя, можно лишь внушать ему, что быть улыбчивым, выдержанным, воспитанным чело*веком полезно для покупательского* здоровья.

Тот же протестующий, возмущенный голос:

— Вот тебе и раз! От «них» нельзя требовать любезности, а от «нас» можно? Где же равенство?!

А здесь и не может быть равенства! Покупатель, потребитель должен быть вежливым, но вежливость — это еще не любез*ность.* Продавец же (вообще любой работник сектора обслуживания) по роду своей работы обязан быть любезным.

Если же вам мучительно трудно произносить такие слова, как «пожалуйста», «спасибо» и «заходите еще к нам», — значит, как это ни печально, вы просто профес*сионально непригодны к работе в секторе* обслуживания, и вам нужно поискать другую площадку для применения своих сил и способностей.

Сколько написано пылких статей, острых фельетонов, веселых сатирических стихов о пользе улыбки! И все-таки снова приходится писать на ту же тему и «ставить» тот же «вопрос».

Мало улыбаются у нас в секторе обслу*живания!*

Один работник ведомства морского флота, человек умный, острый, веселый, рассказал мне недавно такую историйку. Он получил долгожданный отпуск и с курортными путевками на себя и на жену в кармане в самом лучезарном настроении отправился в кассу покупать проездные билеты. Как на грех, кассирша попалась мрачная, необщительная, с суровым взглядом исподлобья.

Товарищ стал просить суровую кассиршу о небольшой любезности: выдать ему два нижних места в спальном вагоне. Он не может спать наверху, такая уж у него привычка, он много работает, устал и хочет хорошо выспаться в поезде.

Суровая кассирша посмотрела на него исподлобья и сказала:

— Нельзя!

— Но почему же нельзя?

— Не полагается!

— А мне кажется, что вы можете для меня это сделать, но почему-то не хотите!

Работник морского торгового флота — человек, повторяю, веселый, любезный и выдержанный—произнес эту фразу с улыбкой, полушутя. Ему казалось, что своей любезной улыбкой он добьется нужного результата. И он добился! Суровая кассирша подозрительно прищурилась и сказала:

— А почему, собственно, гражданин, вы все время улыбаетесь?

На днях с моим другим знакомым случилась неприятность: он обронил где-то паспорт. Мой знакомый позвонил по телефону в стол находок.

Отозвался мужской голос, такой угрюмый, рычащий и тусклый, что мой знакомый сразу почувствовал себя крупным преступником.

Он назвал себя и робко сказал: «Здравствуйте!» Ответного «здравствуйте» от стола находок не последовало.

Мой знакомый тоскливо подумал: «Никогда не найдут!»—но все же кое-как объяснил цель своего звонка.

Мужской голос равнодушно рыкнул:

— Не приносили!

Ни одного сочувственного словечка, ни одной искорки надежды!

— Ну, а как же... теперь? Может быть, вы запишете мой телефон и, если вам принесут...

— Позвоните сами через неделю!

— Послушайте, — все-таки спросил мой знакомый,— почему у вас такой нелюбезный тон?

В ответ то же рычание, несколько удивленное:

— У меня всегда такой тон!..

Маленькое это происшествие имело хороший конец. Моему знакомому позвонил московский таксист Эдгар Новиков, сам приехал к нему домой, привез потерянный *документ.* Расставаясь, они долго трясли друг другу руки и с улыбкой говорили разные хорошие слова. Им обоим было приятно от сознания, что великая формула «человек человеку друг, товарищ и брат» осуществляется у нас даже в мелочах!

Как-то выхожу на улицу вечером. Только что закрылся магазин «Гастроном». Вдруг появляются запыхавшиеся, взволнованные женщина и мужчина.

— Боже мой, опоздали! Какая неприятность!

Пожилой милиционер, проходя мимо, поинтересовался:

— В чем дело, граждане?..

— Да вот не успели одному знакомому мальчику купить подарок. Где теперь достать конфет?!

— Идите в кафе, вон там, за углом, там купите. У них и подарки есть.

— Большое спасибо! А вы откуда знаете, что в кафе есть подарки?

— Милиция все обязана знать. Бегите скорей, нельзя же, чтобы мальчик на праздник остался без подарка!.. Желаю успеха!

Приложил руку к козырьку фуражки, глаза улыбаются. Взволнованные муж и жена тоже улыбаются. И бегут за угол — в кафе, скорей, скорей, чтобы эстафету человеческой улыбки через полчаса у них принял «один знакомый мальчик»!

Однако что же все-таки делать с теми деятелями сектора обслуживания, которые против улыбок и любезного тона, с теми, которые за не караемую в административном порядке грубость?

Безнадежным, как я уже говорил в начале этого фельетона, надо советовать покинуть этот сектор по мотивам профессиональной непригодности. Небезнадежных можно исправлять. Я бы, например, рекомендовал им психологическую гимнастику. Утром, делая зарядку, приседая, говорить самому себе *«Пожалуйста!» и при* этом мило улыбаться. Раз десять, не меньше, чтобы втянуться потихоньку да полегоньку. И вообще приучать себя к трудно-произносимым словам, пользуясь любым удобным случаем.

Леонид ЛЕНЧ

ПЕРЕПИСКА НОВОГО И ТОГО СВЕТА

Роберт — Адольфу

Сегодня, 8 декабря 1958 года, мы собрались в Индианаполисе, дорогой Адольф, чтобы почтить твою память и встряхнуть Америку. Нас, основателей нового общества, 12 человек. У каждого на текущем счету не меньше миллиона долларов. Конечно, спорили насчет названия организации. Было решено, что американцы пока еще недостойны создания партии, которая носила бы твое имя. Поэтому остановились на Джоне Бэрче. Он тоже покойник. В 1945 году этот капитан авиации геройски погиб, став первой жертвой «красной опасности» в послевоенное время. Заседали двое суток, обсуждая программу. Решили сформулировать задачи по-деловому: полное уничтожение коммунистов, негров, евреев, либералов, демократов, которые верят в демократию, и республиканцев, выступающих за республику.

Роберт Уэлч-младший.

Адольф — Роберту

От радости трижды перевернулся на сковородке. Оказывается, и в Соединенных Штатах есть настоящие арийцы. «Общество Джона Бэрча» поддерживаю целиком, как соответствующее линии «Моей борьбы». У нас, на том свете, есть, правда, иные сведения о кончине Бэрча. Он здесь разгуливает с ранениями несколько ниже спины, полученными после того, как американская разведка впутала его в какое-то грязное дело. Но это останется между нами. Хайль, Бэрч!

Как дела на твоих кондитерских фабриках, Роберт?

Адольф, фюрер.

Роберт — Адольфу

С кондитерской промышленностью покончено. Если бы я мог для всех американских красных и тех, кто им попустительствует, выпекать пирожные с цианистым калием или, на худой конец, с мышьяком! Но увы... Только что закончил «Голубую книгу». 178 страниц. Удалось доказать, что коллективизм — бич человеческого общества. Установил, что Римская империя пала оттого, что император Диоклетиан установил контроль над ценами.

Когда настанет «день Икс», мои бэрчисты проведут хорошую чистку в Вашингтоне! Вряд ли могут рассчитывать на что-либо приятное коммунисты Дуайт Эйзенхауэр, Эдлай Стивенсон, Уолтер Рейтер, Джон Кеннеди и Чарльз Болен.

С уважением Роберт Уэлч.

Адольф — Роберту

«Общество Джона Бэрча» всегда может рассчитывать на мой опыт в строительстве концлагерей и газовых печей. В случае нужды можете выписать специалистов из Бонна. Там они есть в ассортименте. А пока «Готт. мит унс!» Мы начали с Баварии, вы можете начать с Техаса.

С наилучшими пожеланиями А. Г.

Роберт — Адольфу

Из южных штатов и Калифорнии мы начнем «Дранг нах Норден унд нах Вестен». Ряды бэрчистов растут. К нам присоединились три бывших президента Национальной ассоциации промышленников. По моим подсчетам, нас, бэрчистов, двести тысяч. Издаем журнал «Американ меркюри». Могу, кстати, привести такое высказывание нашего журнала: «Начиная с 1941 года политика Вашингтона диктуется коммунистами. Президент Рузвельт втянул Америку в войну против Гитлера». Я могу поручиться, дорогой Адольф: все члены моего общества считают, что США воевали не на той стороне... Думаю, доставлю тебе удовольствие, перечислив некоторые названия книг, которые мы издаем: «Наша великая раса», «Теория гибридной расы», «Раса и разум».

Для американцев, не склонных к глубокому анализу, предлагаем сенсационные новости. Так, член палаты представителей от Калифорнии Джем Атт — разумеется, наш человек в Капитолии — во всеуслышание заявил, что красные готовят 16 тысяч африканцев с серьгами в ушах и кольцами в носу, чтобы под видом войск ООН захватить Пентагон и Белый дом.

Р. У.

Штат Массачусетс, сентябрь.

Адольф — Роберту

Кольца в носу — это неплохо. Но, дорогой Роберт, чтобы захватить всю полноту власти в третьей империи, нам пришлось сделать кое-что поэффектнее. Помнится, немало пришлось потрудиться, чтобы найти подходящего парня для поджога рейхстага. Подыскали. Ван дер Люббе согласился признать себя красным с головы до ног. Хороший был шизофреник! Не смогут ли твои парни спрыснуть бензином Белый дом или учинить что-либо в этом роде?

Хайль!

Роберт — Адольфу

За совет насчет Ван дер Люббе благодарим. Обдумываем варианты.

г. Даллас, октябрь.

Адольф — Роберту

Поздравляю! Теперь — в атаку на мировой коммунизм!

Преисподняя, 23 ноября.

Роберт — Адольфу

Ликуем. Все наши отметили похороны, как свадьбу. Но борьба только началась.

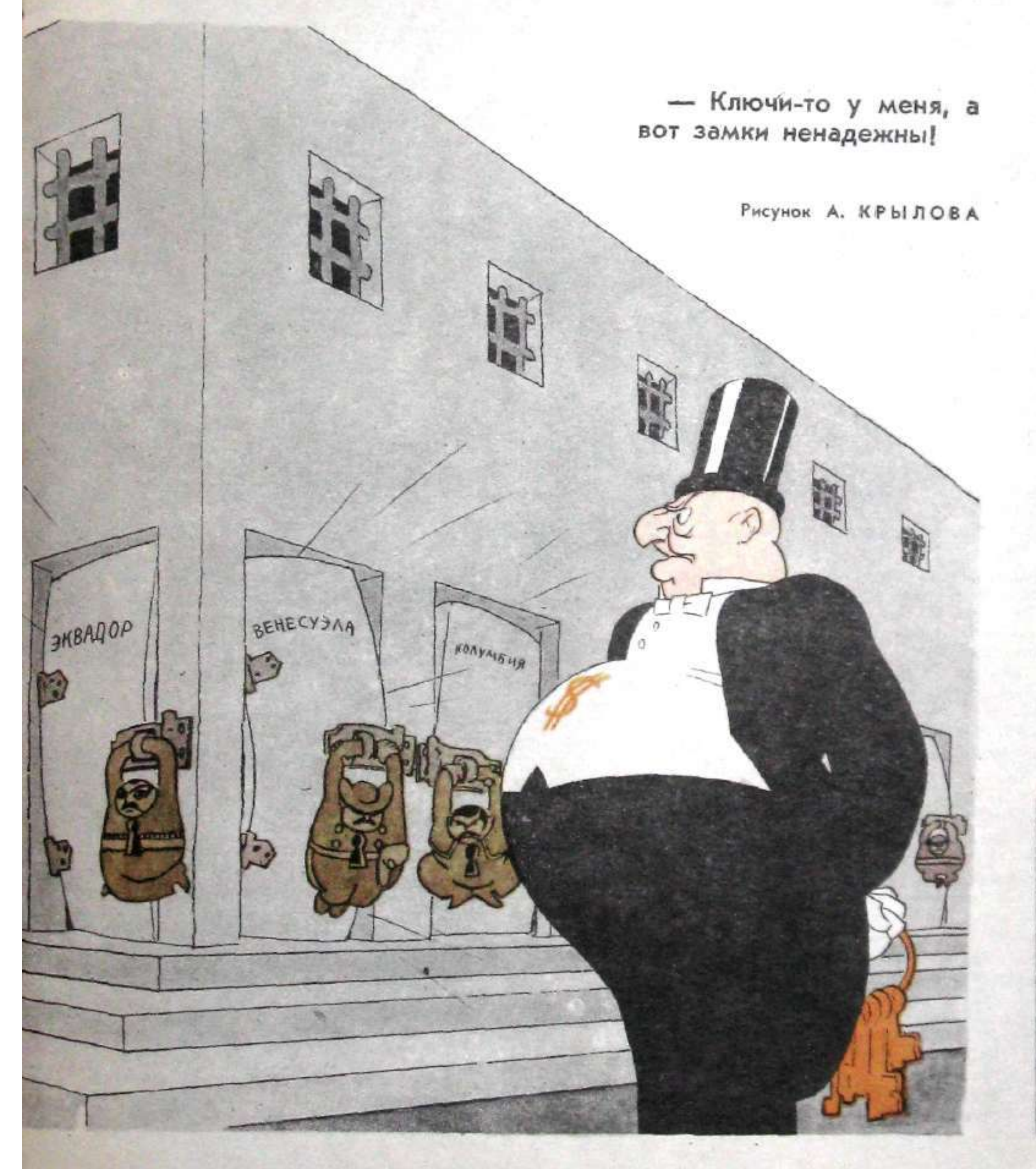
Верный Роберт.

Адольф — Роберту

В случае неудачи встречу с распростертыми объятиями. Учитывая мой опыт, запаситесь заблаговременно хорошим ядом: крысиный яд вызывает неприятные ощущения в желудке.

Бывший фюрер.

Копии снял и доставил в Крокодил
В. АРДАТОВСКИЙ.

— Ключи-то у меня, а вот замки ненадежны!

Рисунок А. КРЫЛОВА

НО НЕ ВЗДУМАЙ МОЛИТЬСЯ!

Американский сенатор Джейкоб Джавитс рассказывает в книге «Дискриминация в США» следующую историю:

Проходя мимо церкви в богатом квартале, полицейский увидел при входе негра.

— Ты куда, черномазый? — возопил страж порядка.— Разве ты не знаешь, что здесь не место для цветных?

— Но я работаю уборщиком при этой церкви, мистер! — отвечал испуганный негр, со страхом глядя на дубинку в руках полицейского.

— Ну, тогда иди. Только смотри у меня: если вздумаешь молиться, так тебя изобью, что не встанешь...

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

ПАМФЛЕТ

ДЬЯВОЛ В ЮБКЕ

Полковник армии США. Лицо волевое, как топором сработанное. Подбородок — гангстерам на зависть — тяжелый, пугающий.

Глядит полковник орлом, а ходит павой: бывалый воин — еще и завзятая кокетка. Брови подрисованы. Глаза подведены. На седой голове завивка. Офицер придерживается строгой диеты, и потому в стане тонок, как синтетическая соломинка для коктейля. Одевается с блеском. А не гуляка. Не кутила. Не ухажер. За свою офицерскую жизнь щеголь полковник не пригласил на танец ни одной дамы.

Почему так?

Очень просто: полковник сам дама, дама с мужским лицом и ослиной челюстью. Зовут даму-полковника Маргарет Смит.

Эта лютая миссис — обидчица всех матерей. Она ненавидит детей всех народов. И уж сколько лет зовет к ним в няньки атомную смерть.

24 сентября, когда американский сенат ратифицировал Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия, 80 рук взметнулись в воздух, голосуя за договор, и 19 рук — против. На одной из девятнадцати кокетливо алел маникюр. Как вы уже догадываетесь, то была рука полковника запаса вспомогательного Женского корпуса Маргарет Смит.

* * *

Кто из простых американцев, живших в фабричном городе Скоухеген, мог подумать, что милая дочурка парикмахера Джорджа Чейза так ожесточится, что со временем будет голосовать за заражение земли радиоактивными осадками!

А пока что Мегги лазала по деревьям не хуже мальчишек. Забавлялась стрельбой из духового ружья на берегу родной реки Кеннебек. Устраивала сражения оловянных солдатиков.

И одно было странным в ее игре: упавшим фигуркам она отламывала головы.

— Пусть будут взаправду убитые,— объясняла девочка с трогательными бантиками в косичках.

Причуды Мегги, вероятно, видели не только люди. Видел, должно быть, и сам лукавый бес, ведающий сокращением населения штата Мэн.

Бес-босс отнюдь не считал, что любая женщина — сосуд дьявола, но Маргарет Чейз он рассматривал именно в таком качестве. Были в ней кое-какие многообещающие задатки... И в какой-то момент бес-босс принял решение вселить в душу Мегги дьяволенка.

И тот расположился в грудной клетке Маргарет Чейз бесцеремонно, словно кукушонок в чужом гнезде. Постепенно он вытолкнул из девичьей души последние остатки человеческих чувств и наполнил ее колючей ненавистью к людскому роду, неприязнью к добру и дружбе, к верности и любви.

В девичестве Мегги была и телефонисткой, и администратором, и агентом отдела объявлений, и директором по распространению местной газеты. Но что бы ни делала Маргарет Чейз — торговала ли мужским кремом «Чары любви», подслушивала интимные телефонные разговоры граждан Скоухегена, выпрашивала объявления для газеты или уговаривала горожан стать ее подписчиками,—она ненавидела! Ненавидела всех: покупающих, разговаривающих, дающих и читающих.

На тридцать четвертом году своей грешной жизни будущий полковник стал супругой Клайда Смита, скоухегенского бизнесмена, члена конгресса, и его непременным секретарем.

Миссис Смит была дьявольски предусмотрительна.

Не дожидаясь, пока умрет ее супруг, она зарегистрировала свою кандидатуру на почти вакантное место. И вскоре после того, как мистер Смит почил вечным сном, миссис Смит заняла в конгрессе его место. Об этом позаботились бизнесмены, делающие выборную игру во Втором округе штата Мэн.

Восемь лет спустя она становится сенатором.

Дьявол в юбке твердо знает: дуй музыку, заказанную теми, кто платит, и будешь придворным музыкантом, пока не зафальшивишь.

И дама-полковник бьет в гулкий барабан. С трибуны сената гремит воинственный марш: «Я сторонница жесткой внешней политики».

У нас есть сильное подозрение, что на дне своего ридикюля миссис сенаторша носит портативное помело. Иначе трудно объяснить ту скорость и мобильность, с какой она перелетает из одной сенатской комиссии в другую, с одного совещания на следующее. Суперактивная дама — член финансовой и военной комиссий, комиссии по исследованию космоса, а также кое-каких мелких подкомиссий.

Она выступает против урезывания военного бюджета. Она голосует за предоставление помощи франкистской Испании и против предоставления бесплатной медицинской помощи престарелым американцам. Она голосует за все, что омрачает жизнь простых людей, и против всего, что могло бы принести им свободу от страха.

Удивительное дело: американские биографы миссис Смит утверждают, будто бы она любит вкусно готовить. Трудно поверить, чтобы при этакой-то занятости у нее оставалось время на гастрономические утехи. Скорее всего, когда она стряпает, из кухни несет подгорелым омлетом. Наскоро перекусив, она мчит в сенат, на трибуну, и тогда уже гарью несет на весь мир.

При первых признаках разрядки напряженности дьявол в юбке начинает свой шабаш. Дама лезет вон из змеиной кожи, стремясь побольше навредить идее добрососедства.

Она кидается на федеральное правительство. Она обвиняет его чуть ли не в коммунизме.

Она вопит, что Центральное разведывательное управление действует не на полную мощность. «Я считаю,— кричит с трибуны злокозненная миссис,— что управление можно использовать с большей пользой!»

Однажды, поспешая на митинг, она поскользнулась на льду и сломала себе руку. То была ее личная беда. Но, увлекая свою страну на скользкий путь международных авантюр, миссис Смит рискует сломать шею не только себе, но и миллионам ни в чем не повинных американцев.

Президент Кеннеди проявлял дальновидность и осторожность, а седая бесовка осмеивала его, обзывая «слабовольным и робким дядей Сэмом». Осенью 1961 года фурия из штата Мэн объявила президента трусом, упрекая его в том, что он отказывается использовать ядерные бомбы для «решения берлинского вопроса».

Об этой бешеной сенаторше года два назад Никита Сергеевич Хрущев говорил так:

«Кто может оставаться спокойным и безразличным к таким провокационным заявлениям, с которыми выступила в сенате США эта женщина, ослепленная дикой ненавистью к содружеству социалистических стран, упрекавшая правительство Соединенных Штатов в том, что оно недостаточно проявляет решимости применить ядерное оружие в предполагаемой войне из-за Западного Берлина? Просто не укладывается в голове, как может женщина, если это не сатана в образе женщины, выступать с такими злобными, человеконенавистническими призывами».

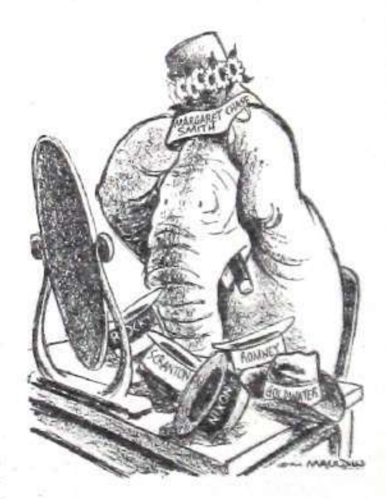
Во время ратификации сенатом Московского договора дьявол в юбке развил адскую деятельность. Она сделала все, что могла, чтобы разжечь сомнения и недоверие среди колеблющейся части сенаторов. Стараясь скомпрометировать договор, она задала не три, не семь, не двенадцать, а шестнадцать провокационных вопросов.

Не вышло. Сенат одобрил договор. Наманикюренная старушечья лапка, поднятая против ратификации, опустилась, сжалась в кулачок, и розовые коготки в бессильной ярости впились в дряблую мякоть ладони.

Дьявол в юбке считает свое поражение временным. Она жаждет отыграться. Обуреваемая честолюбием, Маргарет Смит решила даже выдвинуть свою кандидатуру... на пост президента, чем немало насмешила прессу всех направлений. «Нью-Йорк геральд трибюн» изобразила по этому поводу символ республиканской партии — слона, примеряющего дамскую шляпку.

Миссис полковник остается гонителем здравого смысла в решении международных вопросов. Всякому, кто против политических тайфунов, кто за освежающий бриз добрососедства, дама — ярый неприятель.

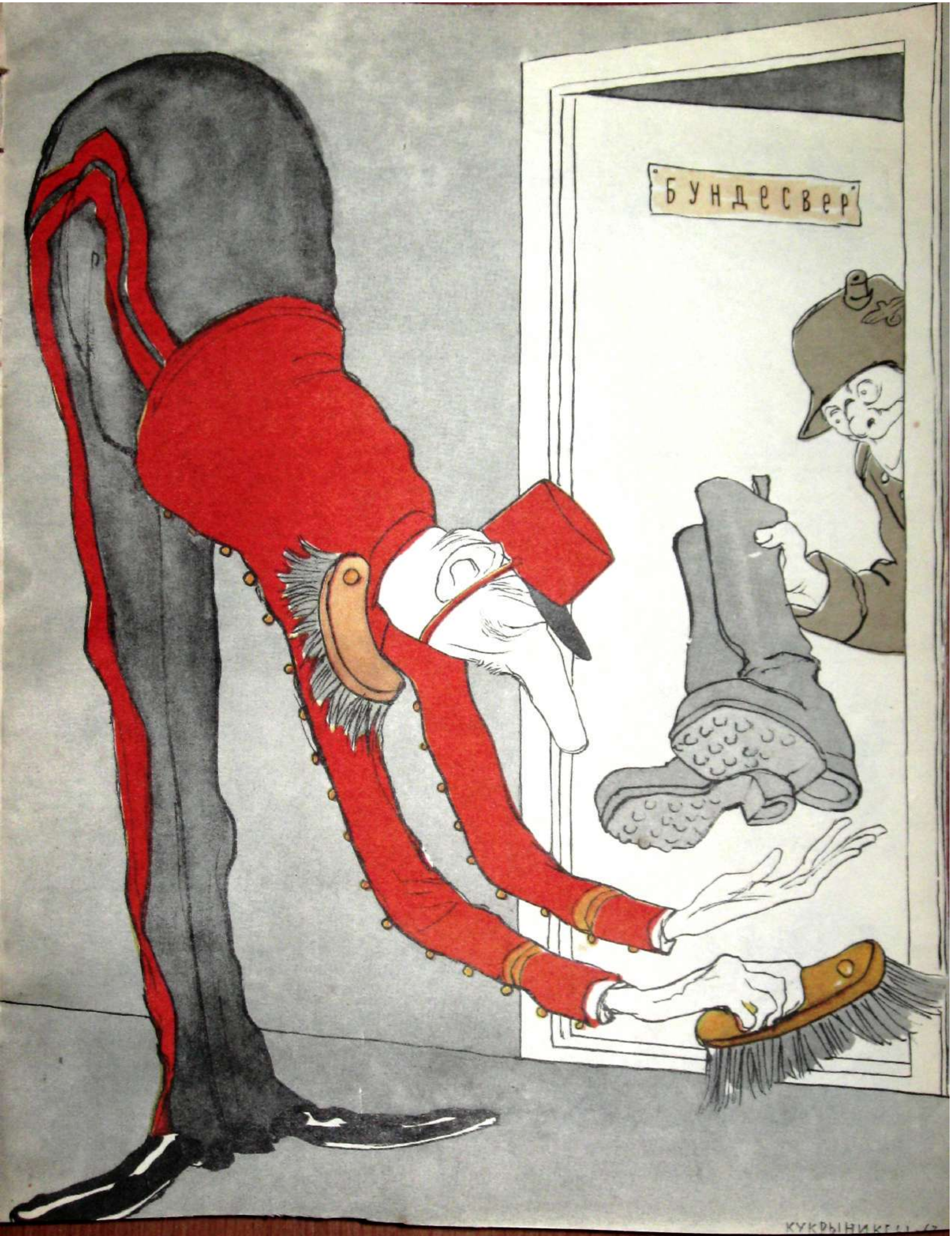
И только когда потянет в воздухе гарью, бюст полковника вздымается высоко и легко. Это понятно: дьяволу в юбке нужен для дыхания не кислород, а сладковатый трупный запах или, на худой конец, аромат горящей серы.

В ГОСТИНИЦЕ «ФРАНЦИЯ»

— Наведите глянец, милейший!

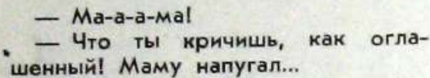
Рисунок КУКРЫНИКСЫ

Бундесвер

— Вот вам номер с ванной...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Ма-а-а-ма!
— Что ты кричишь, как оглашенный! Маму напугал...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Внимание! Потерявшийся Петькин Иван Иванович! У нас, в радиоузле универмага, вас ожидает жена...

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

Рисунок Г. ИОРША

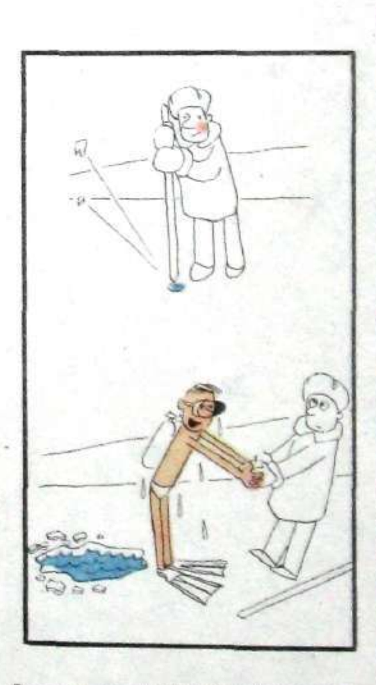

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Вадим ЧИРКОВ

В ГРАФУ ЕГО!

Поссорился я как-то в трамвае с одним гражданином. Вежливо поссорился, но гражданин рассердился. А был тот гражданин, как оказалось, злым волшебником. И чтобы насолить мне, он взял да и забросил меня, бедолагу, в свои владения. И оказался я в сказочном царстве.

Иду я по улице и никак узнать ее не могу. Ни одного знакомого дома, ни одной знакомой двери. Да и дома какие-то не те. Диковинные дома. Взяли будто бы папки-скоросшиватели да прорезали в них окна и двери. И крыши из папок. Деревья из картона вырезаны. Вместо машин разные пресс-папье да чернильные приборы по улице катят. Вместо трамваев — счеты. А вместо людей казенные бумаги ходят. Важные такие, адресом вперед. А некоторые в трубочку свернуты. А еще карандаши да ручки вышагивают. Прямые все.

И будто иду я по улице и всему этому верю. Будто так и должно быть, чтобы по улице вместо людей канцпринадлежности гуляли. Только шел я недолго. Увидели все-таки бумаги, что человек к ним попал. Окружили меня и ну скрипеть и ну шелестеть да шуршать! В общем, взяли меня в оборот. Взяли и повели.

Вели, вели и привели. В какой-то дом, вроде шкафа. Там и двери скрипят, и чернилами пахнет, и еще чем-то... Ввели в комнату. Стены, похоже, заявлениями да протоколами оклеены. Может, это обои такие — я не разобрался.

Поставили меня перед столом. А за столом сидит что-то. Вроде подшивки бумаг. И тоже в трубочку. Заглянул я в нее, благо ростом высокий,— ничего не увидел. Пусто и темно.

«Ну и ну!»,— подумал я.

Тут подняла на меня подшивка глаза, я и обмер: у нее вместо глаз кляксы чернильные.

— А-а,— говорит она,— человек!

И так сказала, будто заждалась меня.

— Да,— говорю,— человек, Попов Семен Семеныч.— Этак с достоинством говорю.

— А как вы сюда попали? — вежливенько спрашивает подшивка.

Феликс КРИВИН

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ

Для Календаря наступила осень...

Вообще-то осень у него всю жизнь, потому что круглый год с него опадают листки. Но когда листков остается так мало, как сейчас, то это уже настоящая осень.

Календарь шлепал по лужам, рассматривая отражающиеся в них тучи. У него уже не хватало сил поднять голову.

Вот тут-то ему и повстречалась теплая компания.

Тридцать Первое Ноября, Восьмой День Недели и Двадцать Пятый Час Суток сидели вне времени и пространства и говорили об осенних делах.

— Эге, папаша, неважно ты выглядишь! — крикнули они Календарю.— Смотри, доконает тебя эта осень.

— Доконает,— вздохнул Календарь.

— Да ты присаживайся, чего стоишь?

— Надо идти,— сказал Календарь,— времени нет.

— Это у тебя-то нет времени? — рассмеялся Восьмой День Недели.— А что же нам тогда говорить? На нашу долю и вообще времени не досталось.

— Да,—проворчал Двадцать Пятый Час,—ночей не спишь, все стараешься попасть в ногу со временем — никак не удается. Дождешься двадцати четырех часов, только попробуешь приткнуться, глядь — уже час ночи.

— Или первое декабря,— вставило Тридцать Первое Ноября.— Сразу шагает после тридцатого.

А я и не знаю, что ответить. Молчу, смотрю в ее чернильные глаза.

— Может, у вас дело какое к нам?

— Да нет,— говорю,— гулял я, а ваши меня схватили.

— А на учет вас взяли? — спрашивает.

— На какой такой учет?

Подшивка как вскинется:

— Вы что, не знаете, куда попали? — Да как рявкнет: — В графу его!

Подскочили тут карандаши, схватили меня за руки да за ноги и ну в лист пихать, что к стене прикноплен был. Толкают, а я молчу и чувствую, что неметь начинаю. С головы. И в лист постепенно вхожу. В графу. Так и вошел. С головой и с ногами. Только уши да нос торчат. А когда пресс-папье по мне прошлись, я и весь вошел. Лежу в графе, ноги вытянул.

Только чувствую, что я вроде бы из букв начал состоять. Живот пощупал — О.

«Ах ты,— думаю,— чертовщина!»

За голову схватился — опять О. Ноги... никак не пойму, ага,— П. Руки — тоже. Очки хотел протереть — В перевернутое. Рот и нос — дужки какие-то. Потом догадался: С. Ну и вид же у меня!

И все вроде бы правильно: Попов ведь я, Семен Семеныч! А себя не чувствую. Загляну за графу — вижу седьмой номер. Это я, значит. Тут подходят ко мне с листом.

— Эй,— кричат,— Попов!

— Что? — отвечаю.

— Опись сейчас делать будем.

А я и не спрашиваю, зачем. Будто бумажный. Описывают, переговариваются. Описали. И мне зачитали для проверки. Вот она, какая опись:

		Примечание
1. Голова	1 (одна)	
При ней:		
а) очки	1 (одни)	
б) нос	1 (один)	
в) рот	1 (один)	
г) уши	2 (два)	
д) глаз	2 (два)	
2. Живот	1 (один)	
3. Руки	2 (две)	правая и левая
4. Ноги	2 (две)	»

— А желудок? — спрашиваю.

— Внутренности,— говорят,— не наше дело. Нам то, что снаружи, требуется.— И поставили около моей графы птичку.

Ушли они, а я опять осматриваюсь. Плоское все: и графа и я. А плоским я, по-моему, не был. Вроде бы и живот был, и спина... А тут, как лист.

Заглянул наверх, вижу что-то на змея похожее.

«Может, искуситель?» — думаю. Потом присмотрелся — батюшки! — Параграф!

— Слушай, параграф, к чему все это делается?

— Ничего. Порядок такой,— отвечает.

Через неделю отпустил меня параграф. Привел к границе сказочного царства и говорит:

— Ну иди, Попов, домой.

И я пошел.

Вдруг параграф как крикнет мне вдогонку:

— Попов, почему справку не просишь, что был у нас? Возьми, пригодится!

А я бежать: уж больно надоел мне параграф! Стал я на бегу себя ощупывать. Живот теплый — мой. Голова есть, нос есть, уши — тоже. «Все-таки к врачам надо заглянуть,— думаю,— пусть обследуют».

Тут как раз и поликлиника. Забегаю я — и сразу в регистратуру. Заглянул в окошко — батюшки! — сидит там девица, как волшебник из трамвая, ехидно ухмыляется и спрашивает:

— В чем дело?

— Вот,— говорю,— из сказочного царства явился. Хочу обследоваться.

— А на учет вас там поставили? Справка есть?

— На учет,— говорю, — поставили, а справки нету. Спешил очень. Некогда было взять.

— Ну, и обследовать не будем, пока справку не принесете.

И вдруг почувствовал я, граждане, что опять плоским становлюсь. Как в той графе из сказочного царства...

г. Кишинев.

-СКАЗКИ

— А я уж как извелся с этими воскресеньями и понедельниками! Так держатся друг за дружку, как будто их кто-то связал.— Восьмой День Недели с укором посмотрел на Календарь.— А все ты, папаша, виноват. Нет у тебя порядка.

— Как это нет порядка? — обиделся Календарь.— Я за порядком сам слежу, у меня каждый день на учете.

— А что толку от этих дней! — воскликнуло Тридцать Первое Ноября.— Каждый из них отбирает у тебя день жизни.

— Отбирает, это правда...

— Слышь, папаша, ты бы плюнул на них, а? Взял бы лучше нас — мы бы у тебя ни минутки не тронули.

— Вас? — с сомнением посмотрел на них Календарь.

— Ну конечно, нас! — сказал Восьмой День Недели.— У нас бы время никуда не двигалось, на месте стояло. Ни четвергов, ни пятниц, ни суббот — живи, ни о чем не думай!

— И все время ночь,— подхватил Двадцать Пятый Час.— Спи себе, знай похрапывай!

— Это бы ничего...— улыбнулся Календарь.— И все листки будут целы.

— Все до одного! Если время стоит, куда им деваться?

Календарь сел, аккуратно подобрав листки.

— Я бы тогда в библиотеку поступил,— мечтательно произнес он.— Там с книгами хорошо обращаются. Взял, почитал, на место поставил... Вот жизнь!

— Выдана книга тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели...

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Вернуть книгу тридцать первого ноября...

— В восьмой день недели....

— В двадцать пять ноль-ноль...

— Постойте, постойте,— забеспокоился Календарь.— Это как же? Одну книгу читать целый год?

— А что, разве много? Если время стоит,— чего там экономить?

Это сказало Тридцать Первое Ноября. А Восьмой День Недели добавил:

— Да и читать-то никто не будет. Время стоит — значит, все стоит.

— Все стоит? И жизнь?

— Стоит, папаша, стоит! И тебе прямая дорога на пенсию. Поработал свое, довольно!

— А как же библиотека?

— На кой она тебе? Плюнь, не думай!

Календарь встал, расправил листки.

— Ну, вот что, нечего мне тут с вами время терять. Поговорили — и хватит!

— А осень, папаша? Она же не пощадит! — напомнил Двадцать Пятый Час.— Ох смотри, доведут тебя твои дни!

— Вы мои дни не судите,— рассердился Календарь.— Не вам их судить! Они у меня все при деле. А вы что? Так, в сторонке!

Календарь оторвал от себя листок.

— Вот, потерял с вами целый день. Возьмите себе на память о потерянном времени.

И он зашагал по лужам. Но теперь уже в них не глядел. Календарь смотрел высоко и далеко — туда, где кончается его жизнь и начинается жизнь других календарей.

г. Ужгород.

НА ПАДЕЖНОМ КОРМУ

«Дорогой Крокодил! Приезжайте к нам, посмотрите, что творится на скотоприемной базе»,— писала читательница А. Павлунина из Горьковской области. Наш корреспондент приехал и посмотрел...

Цвела взаправдашняя липа,
Шептались птички у берез
В поселке городского типа
С названьем Пьянский Перевоз.

Сюда, как в Рим, вели дороги,
Сюда колхозы скот вели
И оставляли на пороге
Перегороженной земли.
А за порогом загородки —
Доисторический загон,—
Пусть именуется по сводке
Откормочною базой он,
Но здесь скоту, как говорится,
Нельзя ни встать, ни лечь, ни сесть
И невозможно откормиться,
Поскольку нечего поесть...

Что скот тощал в плену загонов,
На то найдут вам сто причин:
То нет на станции вагонов,
То нету в области машин,
Кормов нет в «Скотооткормотресте»,
Скота не принял комбинат,—
Все виноваты...
Лишь на месте
Никто ни в чем не виноват!

А почему, — спросите базу,—
Скот отправлять не стали сразу?
Быть может, зав ее — Щаулов —
Творец бескормовых нагулов?
А почему «Заготконтора»
О корме вспомнила не скоро?
Быть может, завконторой Гришин
Спокойно ждал решенья свыше?

Легко свалить на дядю в центре:
Мол, этот дядя не помог,—
Но разве мяса лишний центнер
Нам сбережет такой предлог?
Один работник, дюже прыткий
Сказал (мы были с ним вдвоем):
«У нас планируют убытки —
Мы их без плана не даем!»

Он говорил и восхищался
Своею светлой головой...
А вес живой
Весь превращался
В вес чуть живой и в неживой.

Вот так, с убытками дружа,
Скот часто режут без ножа!

Андрей ВНУКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Горьковская область.

Перед премьерой.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Читатели Крокодила справедливо возмущаются тем, что репертуар для грамзаписей часто засоряется пошлыми, халтурными песенками.

НАШЛИ ЛАЗЕЙКУ

Рисунок Е. МИГУНОВА

ЗАРАЗИТЕЛЬНАЯ ШТУКА

После того, как драматург написал первую пьесу, он сказал своему другу:

— Знаешь, не ожидал, но тянет на вторую. Есть замысел, но вот не выписываются характеры. Все персонажи представляются какими-то одинаковыми.

— А я тебе помогу,— сказал друг.— Ты возьми для колорита речевые особенности. Один персонаж, например, не выговаривает букву «щ». Вместо нее он, допустим, «ч» говорит. У другого не ладится с буквой «л». Он ее буквой «в» заменил. Третий же элементарно картавит. Вместо «р» — «г». Никакого стандарта. Совсем разные люди.

— А что,— сказал драматург.— Попробую.

У него в пьесе разыгрывается такая сцена. Муж приходит с работы домой и, садясь обедать, жалуется жене.

МУЖ. Опять пван не выповнив.

ЖЕНА (рыдая). Как ты меня огогошил!

СЫН (весело). Не горюй, отец. (Наклоняется к суфлеру.)

СУФЛЕР (шепчет). Не ропщи. Кушай щи.

СЫН. Значит так, папа: не ропчи. Кушай чи.

Спектакль кончился. Зрители выходят из театра, делятся впечатлениями:

— Ну и дгянь! Э, чогт, что я говогю...

— Правильно говорите: сучая егунда!

Заразительная штука — искусство!

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА КРОКОДИЛА

Посвящается художникам — оформителям книг, не совсем внимательно читающим рукописи.

Рисунок М. БИТНОГО

С Ю Р П Р И З С

Сюрпризы почему-то принято преподносить по утрам. Не успел ты еще как следует глаза протереть, а тебе уже преподносят что-то хорошее, отчего весь день ходишь именинником.

Зарайский комбинат бытового обслуживания свой приятный сюрприз преподнес горожанам тоже ранним майским утром. Кругом все благоухало, цвело и пело. В тон принарядившейся природе на заборах замелькали цветастые афиши. Они резко отличались от афиш заезжих шпагоглотателей и укутанных в шали исполнительниц цыганских романсов. Пятьдесят весеннепестрых афиш комбината бытового обслуживания не рассказывали, а прямо-таки заливались соловьями:

«ВНИМАНИЕ! НОВОЕ В БЫТОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ... ТОВАРИЩИ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УДОБСТВАМИ БЮРО БЫТОВЫХ УСЛУГ!»

Афиша возвещала, что комбинат берет на себя массу всяких житейских хлопот, полезных и нужных. Стоит подать заявку, и бюро не только перевезет любые вещи или имущество, но еще выполнит все погрузочно-разгрузочные операции. Надо подвесить оконный карниз? Пожалуйста! Отремонтировать штепсель? Незамедлительно! На радость домашним хозяйкам бюро полностью принимало на себя уборку квартир, мойку полов, обметание стен и потолков, протирку окон и даже мытье посуды. Для этого достаточно по телефону либо лично сделать заявку, после чего можно идти в кино, на футбол, в гости или спокойно распивать чаи.

Глядя на афиши, местные шабашники, калымщики и прочие подшибалы голосили, размазывая по щетине горючие слезы:

— Караул! Режут!

Так миновали весна, лето и осень. В садах и палисадниках поблекли цветы. Дождь, ветер и козы не оставили никаких следов от быткомбинатовских афиш. Но доброе бюро добрых услуг продолжало жить.

И вот совсем недавно Крокодил получил письмо из Зарайска. Товарищам хотелось, чтоб о работе их бюро знали и в других местах. Крокодил откликнулся на голос своих читателей и направил меня в Зарайск.

...На центральной площади под дорожным знаком «Стоянка запрещена» стоял забрызганный грузовик с измазанным грязью шофером. Тут же беспокойно вертелся какой-то гражданин с новым ведром в руке. Время от времени шофер высовывал из кабины руку, показывал гражданину четыре замасленных пальца, а потом дублировал жест словами:

— Четыре хруста!

— Нет, дорого! — возражал гражданин с ведром.— Тут и ехать всего полтора километра... Двух рублей тебе за глаза хватит!

— Четыре! — Шофер угрожающе фыркнул мотором и четыре раза коротко бибикнул.— Ну, газуем за четыре? Не то — сматываюсь!

И он «смотался». Из короткого разговора с гражданином я узнал, что ему надо было перевезти какую-то громоздкую покупку.

— Обратились бы в бюро бытовых услуг,— желая козырнуть знанием городских дел, предложил я.

ЧТО НАПИСАНО ТОПОРОМ...

Заканчивается подписка на газеты и журналы.

Перебирая свои квитанции, я с грустью замечаю, что в 1964 году моя любознательность будет удовлетворена далеко не полностью.

Вспоминаю: когда я перелистывал каталог «Союзпечати», подыскивая кандидатов на подписку, меня мучила зевота. Мне было скучно, как скрипачу на математической олимпиаде. Я зевал до неприличия откровенно, но ничего не мог с собой поделать.

Я хотел было подписаться на журнал **«Зеленый друг»**, но, к сожалению, он называется **«Защита растений от вредителей и болезней»**.

Я с удовольствием выписал бы журнал **«Всадник»**, но, к сожалению, он называется **«Коневодство и конный спорт»**.

Клянусь, я призанял бы денег, чтобы наслаждаться журналом **«Трасса»**, но, к сожалению, он именуется иначе — **«Строительство и эксплуатация автомобильных дорог»**.

С наслаждением я читал и перечитывал бы от корки до корки журнал **«Эврика»**, если бы он не назывался **«Изобретатель и рационализатор»**.

Я встречал бы почтальона за два квартала от дома, чтобы узнать, что новенького пишут в журнале **«Мать и дитя»**. Но я крепко задремал, узнав, что этот журнал называется по-прежнему **«Вопросы охраны материнства и детства»**.

Я был бы преданным и доблестным подписчиком на журналы **«Золотая гроздь»**, **«Жернов»**, **«Каравай»**, если б они не именовались **«Виноделие и виноградарство СССР»**, **«Мукомольно-элеваторная промышленность»**, **«Хлебопекарная и кондитерская промышленность»**.

Протирая слипающиеся глаза, я искал в каталоге журнал **«Техника — селу»**, но, к сожалению, вместо него обнаружил только **«Механизацию и электрификацию социалистического сельского хозяйства»**.

Это был последний удар. Я рухнул на пол и заснул сном праведника. Вокруг меня храпело десятка полтора подписчиков, уже вкусивших каталог до меня. Начальник отделения связи (которое когда-то изящно называлось почтой) ничего не мог с нами поделать, поскольку сам он третьи сутки упивался летаргическим сном, уронив голову на стопку каталогов.

И приснилось мне, что началась Великая Кампания под девизом «Что в лоб — что по лбу». И все названия, в которых усматривался хоть намек на образность, краткость и яркость, безжалостно заменялись убийственно-нудными, прямолинейно-топорными, многословно-канцелярскими.

И даже «Крокодил» был переименован. Теперь он назывался **«Некоторые вопросы текущей жизни с юмористической и сатирической точек зрения»**. Сокращенно — НВТЖЮСТЗ.

А когда я проснулся, то написал это письмо.

С уважением
В. АЛЕКСАНДРОВ,
подписчик.

От Крокодила. Прежде чем сдавать это письмо в набор, я показал его редактору журнала «Вопросы конденсации, апробации и субординации» Н. Солидному, который заявил:

— Письмо подписчика считаю верхом легкомыслия. Наша позиция — никаких уступок читателю. Мы упорно боремся против опасных попыток толкнуть нас ко всякой там игривости. В результате нам удалось снизить тираж нашего журнала с 214 до 185 экземпляров, что является вкладом в дело экономии бумаги, этого ценного продукта лесной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности...

Здесь тов. Н. Солидный свесил голову на могучую грудь и сладко засопел. Поскольку разбудить его пока не удалось, я решил напечатать это письмо в дискуссионном порядке. С одной стороны, я сомневаюсь в том, что названия, которые подписчик В. Александров придумал для выходящих ныне журналов, являются наилучшими. С другой стороны, я не сомневаюсь, что в его письме есть здравое начало. Любопытно было бы узнать твое мнение, дорогой читатель.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Дмитрий СМИРНОВ

ЭПИГРАММЫ

НА ОДНОФАМИЛЬЦА СМИРНОВА С. В.

Он басню спрессовал до дна,
Изведав творческую муку.
Он не из мухи делает слона,
А из слонихи — злую муху.

НА ЕГОРА ИСАЕВА,
автора поэмы «Суд памяти»

Нет слов —
Суд памяти суров,
Но и бесспорно тоже —
Суд времени построже!

НИКОЛАЮ ГЛАЗКОВУ

Меня прочтешь — поймешь,
Что Н. Глазков велик.

Н. Глазков.

Не поверю без улик,
Что ты велик!

Н А Ч И Н К О Й

— Нет уж!.. Спасибо!..— отказался мой собеседник.— Уж я как-нибудь так... Надежней будет...

Ну, конечно же, это был либо неисправимый скептик, либо потатчик калымщиков и шабашников! Ему предлагают добрые услуги, а он морщится. И я пошел в бюро, чтобы лично убедиться в заблуждениях человека с ведром.

— Мне бы,— говорю,— перевезти вещи со станции домой. Окажите,— прошу я,— такую добрую услугу!

В ответ мне кто-то хихикнул. Кто-то вздохнул. А работник, к которому я обратился, долго и с подозрением смотрел на меня, словно я просил его показать мне подлинную колесницу святого Ильи-пророка. А уж потом переспросил:

— Значит, вам нужна машина? Для перевозки вещей? Со станции? Домой?.. Ну, так что ж, пожалуйста! Берите любого «левака».

— ?!!!

— Ну да, «левака». Своих-то машин у нас нету.

По причине отсутствия директора комбината А. Медведева дальнейшие пояснения давала главный инженер Валентина Кускова.

— Нет, машину мы можем заказать в автоколонне хоть сейчас,— с предельной популярностью разъяснила В. Кускова.— Но получите вы ее не так-то скоро. Надо будет ждать. К тому же перевозка по городу стоит очень дорого. Вам самим будет невыгодно...

Выходит, человек с ведром оказался прав.

Потом В. Кускова рассказала про другие виды добрых услуг. Она рисовала прямо-таки репинскими красками портрет своего детища, призванного внести радость в жизнь зарайцев.

— А много ли горожан, обгоняя друг друга, поспешили воспользоваться услугами вашего бюро? — спросил я.

В толстом журнале, где с успехом поместилась бы поименная запись всего населения города Зарайска, оказались заявки пяти граждан (за четыре-то месяца!). Против двух заявок стояли пометки, что работы выполнены.

— А какова судьба остальных заявок?

Оказалось, что толком никто ничего не знает: в трех заявках запутались! Накричали, нашумели, намозолили глаза красивыми афишами — и на все махнули рукой.

Я решил проведать на дому неудачливых «клиентов» бюро бытовых услуг. Разыскал сперва одного, пенсионера Ивана Григорьевича Морозова. Он просил отремонтировать форточки.

— Ходил-ходил, просил-просил! — рассказал он.— Обещали. Целый месяц ждал. А потом пригласил частного мастера...

Рабочий Владимир Михайлович Михеев просил переставить на другое место электрический счетчик. Всех дел было ровным счетом на пятнадцать минут. Заявка сделана в августе. Только в октябре из бюро добрых услуг пришел мастер, посмотрел и... посоветовал обратиться к шабашнику.

Нет, напрасно заливались слезами зарайские калымщики и шабашники! Красивые афиши никакого вреда им не нанесли.

Такова начинка зарайского сюрприза.

И. КОСТЮКОВ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Начальнику Охотоморской рыбной экспедиции.
от Шаповалова А. И.—3-го пом. капитана п/б «Днепр»

Доношу до Вашего сведения согласно Вашего требования в части того, что я 4 августа прибыл якобы в нетрезвом состоянии. Докладываю Вам, что было такое дело, но не в таком разумении, как Вами было замечено. У меня бывает такое состояние после нахождения в гостях. О чем и докладываю.

А. Шаповалов»

Прислал Н. СЕМЕНОВ.
Сахалинская область.

«...Исходя из выше изложенного просим Вас избавиться от излишне пустой бумажной переписки и обязать подчиненного Вам инженера по технадзору вариться в собственном соку наравне с нашим руководством строительного участка полную смену в течении рабочего дня...»

Списал Н. ФРАНЧУК.
г. Усть-Кут, Иркутской области.

«И каждый незаконно убитый медведь — это морщина на красивом лице ярославского леса».

(Из статьи, опубликованной молодежной газетой «Юность»).

Доставила Т. ДОЛГОДРОВА.
г. Ярославль.

«5 сентября 1963 г. к нам в село приехал на собственной «Волге» молодой человек и остановился у нас на квартире. Днем мы познакомились, а вечером я вышла за него замуж. Откуда он, я точно не знаю. Через два дня он уехал. Оказалось, что он женатый и имеет детей. Прошу принять меры к передаче его легковой автомашины мне».

(Из заявления).

Прислал В. АКРИЦКИЙ.
г. Краснодар.

(Это объявление висело у входа в клуб Луганского мясокомбината).

Сфотографировал В. ШЕВОВ.
г. Луганск.

(Это объявление составлено сотрудниками Джетыогузского лесничества.)

Прислал Р. ЗАБИРОВ.
Киргизская ССР.

«Свидетель, почему вы назвали подсудимого проходимцем и что конкретно вам известно о его проходимости?»

(Из протокола судебного заседания).

Записал С. МИРОНОВ.
г. Кишинев.

«...Постановил: кобылу гнедой масти с упряжью, одноконную четырехколесную бричку, семь мешков комбикорма и свинью в возрасте шести месяцев приобщить к настоящему делу в качестве вещественных доказательств».

«Мой подзащитный совершил аварию потому, что у него не работали тормоза».

Прислал народный судья А. КУМЫКОВ.
г. Прохладный.

«Цемзаводская 8-летняя школа открыта вне нархозплана...

Отсутствие наглядного пособия тоже исходит от внеплановости отсутствия этой школы...

Педагогическими кадрами эта школа обеспечена лучше, чем любая школа нашего района... Большинство учителей имеют высшее оборудование...»

(Из ответа зав. Орджоникидзевским роно — П. Капустина).

Копия доставлена В. БОРИСОВЫМ.

Якутская АССР.

Кое-что о баранах

Оказывается, мы с вами, товарищи, необыкновенные растяпы.

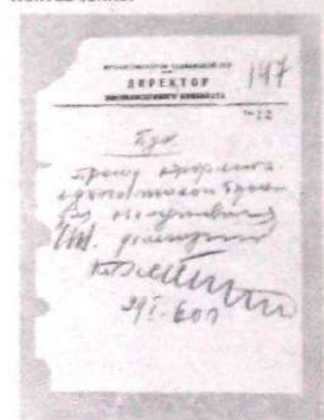
Мы прозевали состоявшиеся в Душанбе Олимпийские игры, выездную сессию ООН и Международный шахматный конгресс. Может быть, заодно и какой-нибудь кинофестиваль. Кто знает?

Мы прозевали такое стечение иностранных делегаций, которое не снилось даже древнему Вавилону.

И только один человек проявил во время этих нашествий находчивость, принял посильное участие в организации Олимпийских игр, сыграл в домино со всемирно известными шахматистами и съел не один шашлык в компании очаровательных кинозвезд.

Этот человек — бывший директор местного мясоконсервного комбината Полтавченко. Его гостеприимное рвение запечатлено в многочисленных распоряжениях, адресованных бухгалтерии мясокомбината и осевших в конце концов на столе следователя.

Вот образец гостеприимства Полтавченко:

ДИРЕКТОР

147

Сейчас стало известно, что в состав многочисленных ин. делегаций, покупавших баранов по закупочным ценам (20—25 рублей), входили главным образом приятели и знакомые Полтавченко. Они-то, вероятно, и принимали участие в Олимпийских играх.

Таким образом, «культурный обмен» обошелся мясокомбинату в круглую копеечку.

П. ВОЛОДИН.

Сделал снимок К. ПЛАТОНОВ. г. Ростов-на-Дону.

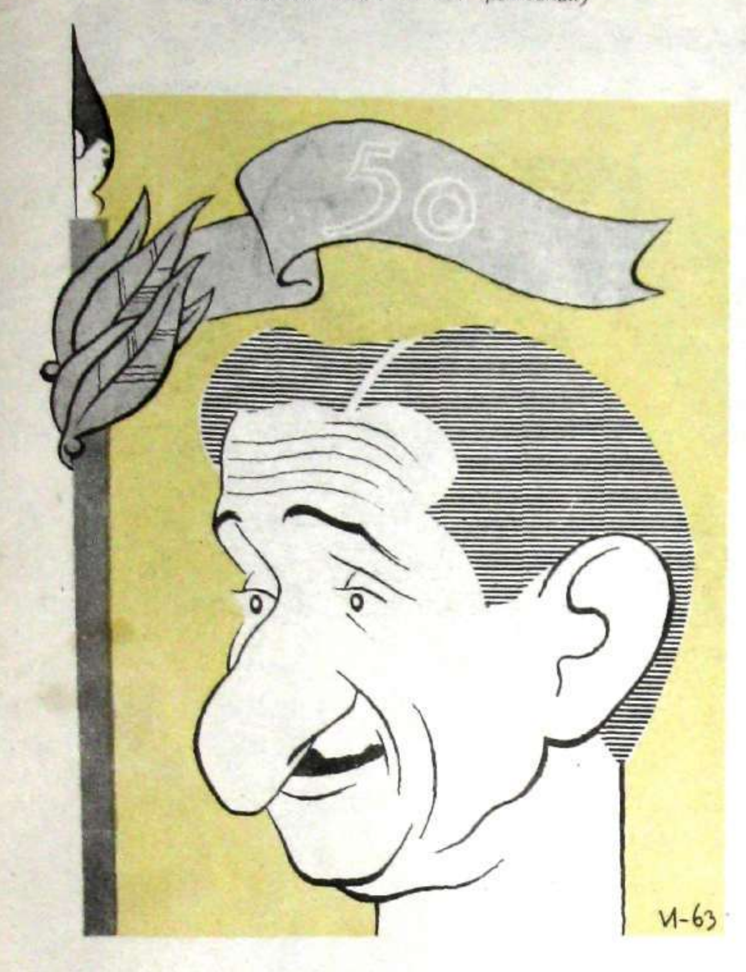
«4/XI—1963 года к 9 часам утра Вы должны явиться в управление и взять с собой человека, который хорошо пишет для переписки мероприятий по отставанию хозяйства и т. д.».

(Из телефонограммы.)

Копию снял Н. КУЧЕРОВ.
Мордовская АССР.

Морис Романович СЛОБОДСКОЙ

(К пятидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж И. ИГИНА

ТОВАРИЩ АНДРЕЕВ ПРИНЯЛ МЕРЫ

В редакцию пришло письмо. Учащиеся Кожлаерской восьмилетней школы, Моркинского района, Марийской АССР, сообщают, что учиться им негде. Старое здание школы находится в аварийном состоянии. Новое не достроено.

Что это значит? А значит то, что в теплые сентябрьские и октябрьские дни занятия, видимо, протекали на лоне природы. Под чириканье птиц. Но вот наступил ноябрь, дожди, слякоть, мокрый снег, и последние птицы покинули Моркинский район. На дворе остались лишь ко всему привыкшие воробьи и учащиеся Кожлаерской школы. И вот учащиеся послали в редакцию письмо.

Это письмо редакция Крокодила направила в исполком Моркинского районного Совета. Редакция надеялась, что исполком примет меры.

Председатель исполкома тов. Андреев, в свою очередь, написал редакции. Это письмо состояло из двух частей. В первой давалось разъяснение, из которого следовало, что начальство делало все для ускорения строительства здания. Деятельность развивалась по трем линиям:

а) личные посещения:

«Данный строительный объект несколько раз посещен мною, моим заместителем тов. Архиповым Н. С., зам. секретаря партнома тов. Анисимовым А. А и заведующим роно тов. Николаевым С. Н.»;

б) информация:

«О ходе строительства исполком и партком всегда информировали Совет Министров республики, зам. заведующего идеологическим отделом по промышленности тов. Новоселова И. Н., зав. промышленно-транспортным отделом тов. Воробьева В. М., зав. отделом строительства и городского хозяйства тов. Кожевникова В. П.».

в) постановка вопроса:

«Вопросы ускорения строительства неоднократно ставились перед руководителями строительных организаций и ОКСа Совета Министров республики».

Первый пункт означает, что тов. Андреев и его помощники время от времени приезжали на место стройки и окидывали последнюю взглядом.

Два следующих пункта означают, что велась обширная переписка. Стучали машинки. Кто-то, дохнув, прикладывал печать. Кто-то делал отметки в книге исходящих и подшивал в папки входящих. Бегали курьеры, и поднимались по этажам почтальоны. Трудилась масса людей. Следует удивляться, что в результате этой бурной деятельности окна строящегося здания не застеклились сами собой, а стены не оштукатурились. Здание, которое должно было быть достроено к 1 сентября, не было готово и в середине ноября. Учить детей можно было только на улице. Но товарищ Андреев и другие делали, что могли. Следовательно, винить моркинских руководителей попросту смешно.

Во второй части письма Андреев сообщал, что меры приняты.

Немедленно по получении письма в с. Морки развернулась лихорадочная деятельность. О ее результатах тов. Андреев сообщил:

«В связи с этим (с тем, что здание не достроено.— Н. И.) учителя Кожлаерской школы от имени учащихся написали письма в разные адреса, собрав от них подписи. Так поступил классный руководитель 7-го класса Чапаев Алексей Николаевич. Парткомом управления и исполкомом сельрайсовета эти факты проверены».

Это значит, что в короткий срок удалось провести дознание и разыскать зачинщиков! Поистине кипучую энергию проявили тов. Андреев с помощниками! Половину бы этой энергии бросить на ускорение строительства! Но тов. Андреев направил ее по иному руслу. Итак: зачинщиков установили. Не успокоившись на достигнутом, тов. Андреев вызвал к себе директора школы и распек его. И вот как он об этом скупо сообщает:

«...сделано серьезное внушение директору школы Ипатову А. Ф. за неправильное воспитание учащихся».

«Он свои ошибки осознал» — такова последняя фраза письма тов. Андреева. О том, что она означает, в каких ошибках сознался директор, зачем и почему он сознался, думать как-то не хочется.

Вот те энергичные меры, которые принял тов. Андреев, чтобы из подведомственного ему района жалоб больше не поступало...

Н. ИЛЬИНА

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ

Альбом рисунков старейшего крокодильца Л. Генча пополнил нашу серию «Мастера советской карикатуры».

«СБЕЖАВШИЙ КАРАНДАШ» изловлен и доставлен в Библиотеку Крокодила главным редактором журнала «Вокруг света» В. Сапариным. Это первая книжка юмористических рассказов писателя-фантаста.

«ЧЕЛОВЕКА С ПАЛКОЙ» привел в ту же Библиотеку З. Юрьев вместе с героями других своих фельетонов.

«В ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ» уложил каждую из своих эпиграмм украинский поэт - сатирик Ю. Кругляк. Книжка пополнила Библиотеку нашего украинского собрата «Перца».

«НА ВЕСЕЛОЙ ОРБИТЕ». Альбом рисунков Ю. Черепанова выпущен «Московским рабочим».

«САТИРИКОВ НА ВАХТЕ», местных прозаиков, поэтов и художников — активистов газеты «Правда Бурятии» представило читателям как авторов коллективного сборника Бурятское книгоиздательство.

Вышла из печати новая серия плакатов Крокодила на сельскохозяйственные темы. Авторы — художники Г. Вальк, Е. Ведерников, А. Елисеев и М. Скобелев, Б. Ефимов, В. Жаринов и Д. Белов, А. Каневский, Ю. Федоров.

Перед вами один из этих плакатов работы А. Елисеева и М. Скобелева.

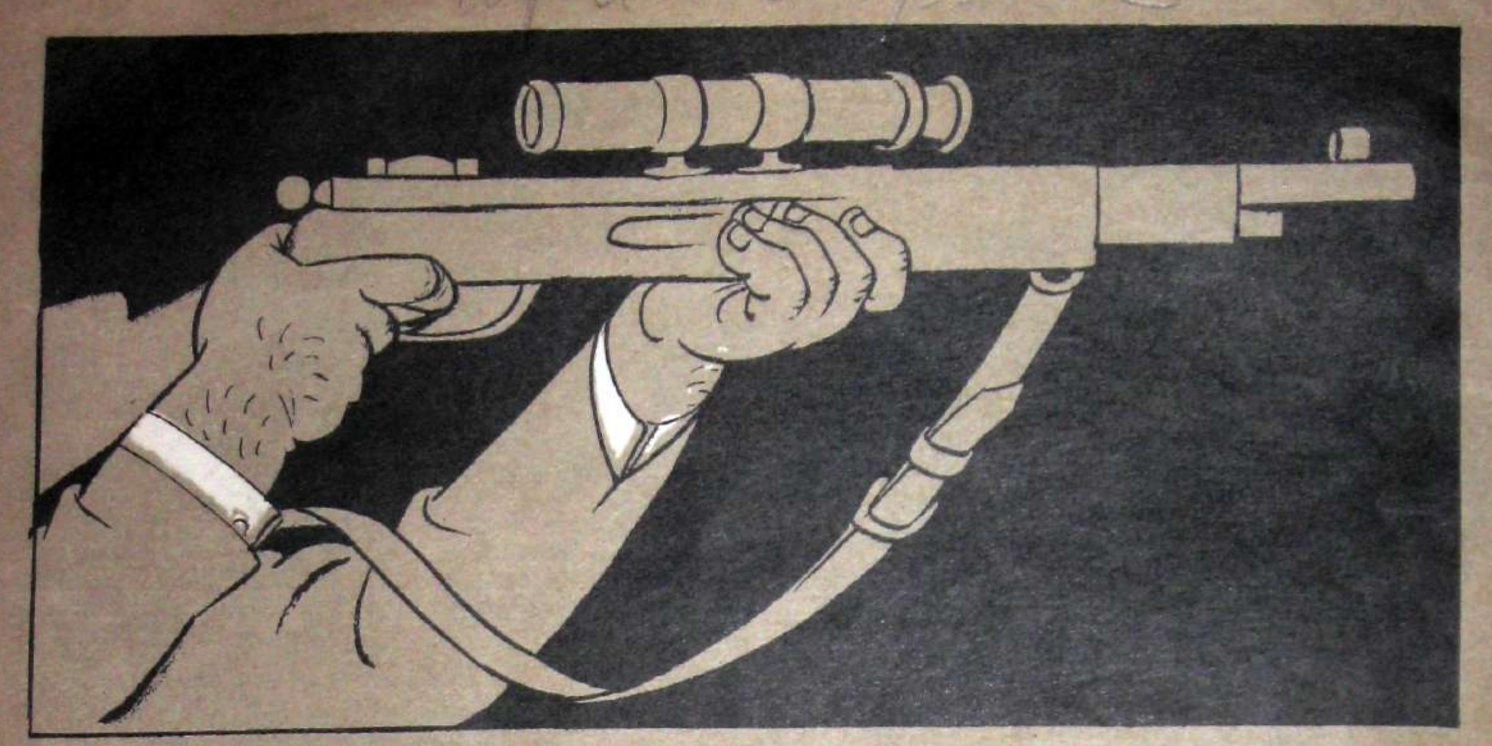

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, д. 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00230. Изд. № 2045. Подписано к печати 9/XII 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3042. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТЕХАССКАЯ ВИНТОВКА...

И ЕЕ ПАТРОНЫ

Цена номера 12 коп.

Индекс 70436.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО